

8 P1 (032)
C 50

ОГЛАВЛЕНИЕ

~~891.7/140~~
✓

	Стр.
Вступление	1—3
I. Жизнь Языкова на родинѣ, въ селѣ Языковѣ. Обученіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ	4—29
II. Жизнь Языкова въ Дерптѣ съ 1823 г. до лѣта 1826 г. и поэтическая дѣятельность этого времени. Пребываніе Языкова лѣтомъ въ 1826 году въ с. Тригорскомъ и знакомство съ Пушкинымъ. Жизнь Языкова въ Дерптѣ съ осени 1826 г. до конца 1829 г. и поэтическая дѣятельность въ теченіе этого времени	30—113
III. Жизнь Языкова въ Москвѣ и с. Языковѣ съ 1829 г. по 1838 г. Знакомство съ Погодинымъ, Шевыревымъ и другими московскими славянофилами. Поэтическая дѣятельность Языкова въ теченіе указанного періода	114—154
IV. Заграничная жизнь Языкова съ августа 1838 года по августъ 1843 г. Знакомство и тѣсная дружба съ Гоголемъ. Поэтическая дѣятельность Языкова въ теченіе этого времени.	155—190
V. Последніе годы жизни Языкова въ Москвѣ съ 1843 г. по 1846 г. Тѣсная связь его съ московскимъ славянофильскимъ кружкомъ. Литературная дѣятельность Языкова въ послѣдніе три года его жизни. Участіе его въ литературной полемикѣ славянофиловъ и западниковъ. Критическіе отзывы о поэзіи Языкова. Связь поэзіи Языкова съ поэзіей Батюшкова. Историко-литературное значеніе поэтической дѣятельности Языкова	191—266

1259

50K

Библиотека
Человек
Книжки

V.

Последние годы жизни в Москвѣ 1843—1846 г.г.

Последние три слишкомъ года своей жизни Языковъ провелъ безвыѣздно въ Москвѣ, вслѣдствіе необходимости въ постоянной медицинской помощи. Неизлѣчивая, застарѣлая болѣзнь спинного хребта хотя и не доставляла теперь Языкову такихъ нестерпимыхъ болей, приступы которыхъ онъ испытывалъ по временамъ за границею, тѣмъ не менѣе дѣйствіе этой болѣзни было настолько сильно, что нерѣдко лишало поэта свободнаго движенія, заставляло его проводить много времени въ кровати и отнимало возможность посѣщать даже близкихъ друзей. О такомъ состояніи здоровья Языкова въ данное время мы имѣемъ свидѣтельство какъ въ его стихотвореніяхъ, такъ и въ письмахъ его друзей. Въ посланіи 1844 г. „Кн. П. А. Вяземскому“ поэтъ говоритъ:

..... О братья! О друзья!

Ужель дождусь я благодати,

Что смѣло, весело сыркну

Съ моей болѣзненной кровати

И гоголемъ пойду и пѣсню затяну!¹⁾

Въ посланіи того же года „В. Н. Анненковой“ Языковъ также говоритъ:

Увы! Болѣзнь крушить и ѣжить

Меня, и вѣсть меня тоска.....²⁾

Погодинъ въ письмѣ къ извѣстному въ то время профессору русской словестности Кіевскаго университета М. А. Максимовичу относительно состоянія здоровья Языкова, по пріѣздѣ его изъ-за границы, выражается такъ: „Языковъ здѣсь, но такъ хилъ, что жаль смотрѣть“³⁾. Гоголь, знавшій за границею о состояніи здоровья Языкова въ это время по его собственнымъ письмамъ къ нему и письмамъ общихъ московскихъ друзей, въ письмѣ изъ

¹⁾ Стихотв. Языкова“, 1858 г, II, 255.

²⁾ Тамъ же, стр. 249.

³⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ Н. Барсукова, VIII, 96.

Гамбурга отъ 4 іюня 1845 г. къ А. О. Смирновой, которой онъ совѣтуетъ познакомиться во время предполагаемаго ея пріѣзда въ Москву съ его друзьями — Погодинымъ, Шевыревымъ, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ и проч., по этому поводу говорить слѣдующее: „Навѣстите также Языкова. Онъ безъ ногъ, а потому къ вамъ не въ состояніи пріѣхать“¹⁾.

Кромѣ непріятности испытывать, вмѣ посѣщенія друзей, невольное одиночество, Языковъ вынужденъ былъ постоянно имѣть дѣло, для поддержанія здоровья и предупрежденія страданій, съ разными докучными медицинскими средствами, въ родѣ „мазей, микстуръ, притираній, ваннъ“ и проч.²⁾, почему въ своемъ первомъ посланіи 1844 г. „К. К. Павловой“ поэтъ жалуется на то, что онъ „еще разстроенъ толпой болѣзненныхъ заботъ почти весь день“³⁾. При этомъ условіи Языковъ, въ силу необходимости, долженъ былъ вести одинокую, замкнутую жизнь, предаваясь частью чтенію, преимущественно книгъ Св. писанія, лѣтописей и вообще русской исторической литературы⁴⁾, а частью излюбленному поэтическому творчеству.

Большую отраду Языкову въ такомъ положеніи доставляли посѣщенія друзей и бесѣды съ ними. Пользуясь хорошими матеріальными средствами, Языковъ, по пріѣздѣ изъ-за границы, зажилъ въ Москвѣ „хлѣбосольнымъ стариннымъ русскимъ баринимъ“, устраивая у себя вечера, посѣтителями которыхъ былъ значительный кругъ его друзей и знакомыхъ: Погодинъ, Шевыревъ, Кирѣевскіе, Елагины, Хомяковы, Аксаковы, Пановъ, Дм. Ник. Свербѣевъ, А. Д. Валуевъ, даровитый и трудолюбивый изслѣдователь русской старины, племянникъ по матери Языкова, умершій очень молодымъ въ концѣ 1845 г., — Юрій Ѳ. Самаринъ и др.⁵⁾.

¹⁾ „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, 190.

²⁾ „Русская Старина“ 1889 г., январь, стр. 152.—„Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, 34.

³⁾ „Стихот. Языкова“, 1858 г., II, 272.

⁴⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ Н. Барсукова, VIII, 463.

⁵⁾ Тамъ же, VII, стр. 422—429; VIII, стр. 229—230.

Для полной осѣдлости въ Москвѣ Языковъ собрался было приобрести собственный домъ, и это его намѣреніе одобрялъ Гоголь, говоря въ одно изъ писемъ къ нему: „Мысль завести собственное гнѣздо въ Москвѣ недурна, совершенно прилична литератору, особенно домосѣду, и я нахожу, что можетъ быть удобно приведена въ исполненіе“¹⁾. При посѣщеніяхъ его друзьями и знакомыми Языковъ особенно любилъ выслушивать отъ нихъ живые рассказы про старину и изъ современнаго быта престолярда, обрисовывающіе тѣ или другія характерныя качества русскаго человѣка. „Ничѣмъ нельзя было“, говоритъ Погодинъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Языковѣ“, „привести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ рассказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобъ дали ему отдохнуть“²⁾. Но болѣе всего при посѣщеніяхъ Языкова друзьями предметомъ сужденій между ними служили вопросы и новости текущей литературы, которая, какъ извѣстно, съ началомъ 40-хъ годовъ получила у насъ большое оживленіе, съ одной стороны, вслѣдствіе рожденія въ ней, подъ вліяніемъ произведеній Гоголя, новаго направленія, съ другой стороны, вслѣдствіе возникновенія сильнаго разногласія по поводу взглядовъ на русскія національныя начала жизни и отношеніе къ европейскому образованію. Дружеская среда Языкова, во главѣ съ Погодинымъ и Шевыревымъ, отличалась, какъ мы знаемъ, сильнымъ патріотическимъ настроеніемъ. Между тѣмъ, космополитическія начала модной въ то время германской философіи, а также несомнѣнныя большія преимущества какъ въ складѣ внѣшней жизни, такъ и въ умственномъ развитіи западно-европейскихъ народовъ, сравнительно съ состояніемъ въ этомъ отношеніи Россіи, вызвали въ наиболѣе впечатлительныхъ и пылкихъ умахъ русскои интеллигентной молодежи начала 40-хъ годовъ полное порабощеніе себѣ и заставляли

¹⁾ „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, 158.

²⁾ „Стихотв. Языкова“, 1858 г., ч. I, стр. LXXV.

ее брезгливо и совершенно отрицательно относиться почти ко всему отечественному не только въ его прошломъ, но и въ настоящемъ. Послѣдователи этого направленія, получившіе названіе западниковъ, широко развивая свои взгляды путемъ закулисныхъ кружковыхъ бесѣдъ, въ то же время съ чрезвычайною настойчивостью проводили ихъ въ литературѣ. Извѣстно, напр., что Вѣлинскій въ своихъ критическихъ статьяхъ съ пренебреженіемъ относился къ допетровской Руси, къ народной словесности и отрицалъ даже существованіе у насъ литературы до Ломоносова¹⁾; профессоръ Грановскій въ читанныхъ имъ въ 1843 г. публичныхъ лекціяхъ по средне-вѣковой исторіи не считалъ даже нужнымъ, по доктринѣ западнической школы, упомянуть о состояніи Руси за этотъ періодъ; по его мнѣнію, высказанному нѣсколько позже въ печати, „Средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него²⁾); одинъ изъ друзей Пушкина Чаадаевъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ своего великаго друга³⁾, возсталъ въ своихъ „Философскихъ письмахъ“ противъ православія, предпочитая ему католичество съ напою во главѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицательно относясь ко всѣмъ основнымъ началамъ древней и современной русской жизни; Герцевъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ выражалъ рѣзко-отрицательные взгляды по отношенію ко всему истиннорусскому⁴⁾.

Одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей разсматриваемаго времени по этому поводу говорить, что „руководимая Герценомъ и Вѣлинскимъ (главными поборниками западническихъ идей) тогдашняя русская печать, въ условной формѣ, искусно прикрывавшей содержаніе проводимыхъ идей, осмѣивала всѣ начала нашего общественнаго и государственнаго строя, а лежація въ основѣ ихъ правила христіанской нравственности выдавала за затхлую ветшь,

¹⁾ Сочин. Вѣлинскаго, изд. 1875 г., I, 34—35, 42; V, 35—37.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, VII, 115; VIII, 49.

³⁾ «Сочин. Пушкина», изд. Суворина, III, 81—84; 148—149; VIII, 499—504.

⁴⁾ «Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями» Матвѣева, С.-Пб. 1894 г., стр. 41. «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, VII, 453—454.

противную требованіямъ естественной морали. Эта пропаганда, недосказанная и только скользящая въ печати, въ виду цензурныхъ условій, комментировалась и дополнялась путемъ устныхъ сношеній и кружковыхъ словопреній¹⁾. Главнымъ же печатнымъ органомъ западническихъ воззрѣній въ первой половинѣ 40-хъ годовъ служили издававшіяся въ Петербургѣ Краевскимъ „Отечественныя Записки“, во главѣ которыхъ стоялъ Вѣлискій.

Противонаціональныя воззрѣнія западниковъ, конечно, должны были вызвать недовольство и противодѣйствіе со стороны кружка друзей Языкова, получившаго названіе славянофиловъ и сосредоточившагося въ Москвѣ около редакціи „Москвитяина“, издаваемого теперь Погодинымъ вмѣсто „Московского Вѣстника“, и частью около „Московского Сборника“, издаваемого образованнымъ Сибирскимъ помещикомъ В. А. Пановымъ, умершимъ въ молодыхъ годахъ²⁾.

Рѣзкая раздвоенность въ воззрѣніяхъ западниковъ и славянофиловъ возникла какъ разъ съ возвращеніемъ Языкова изъ-за границы въ 1843 году, когда, съ одной стороны, Грановскій игнорирующимъ отношеніемъ къ исторіи Россіи въ читанныхъ имъ въ концѣ 1843 и въ началѣ 1844 г. публичныхъ лекціяхъ подалъ поводъ славянофиламъ къ неудовольствіямъ противъ западниковъ, а съ другой стороны, Шевыревъ выраженіемъ также въ публичныхъ лекціяхъ по исторіи древней русской словестности, читанныхъ имъ вскорѣ послѣ публичныхъ лекцій Грановскаго, глубокаго сочувствія къ древнерусской образованности церковно-религіознаго характера вызвалъ негодованіе западниковъ. Подъ влияніемъ этихъ толчковъ между славянофилами и западниками возникла бурная журнальная полемика, въ которой та и другая сторона съ горячностью отстаивала свои взгляды³⁾.

¹⁾ «Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями» Матвѣева, стр. 42.

²⁾ Тамъ же, стр. 27; «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 312—324.

³⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 112—119, 434—438, 453—463.

Языковъ, глубоко преданный, какъ мы знаемъ изъ его стихотвореній предшествующаго времени, идеѣ русской національности и приобрѣтшій еще съ студенческаго времени склонность всею душою отдаваться стремленіямъ и настроенію того круга людей, съ которымъ судьба ставила его въ тѣсную связь, является во второй періодъ своей московской жизни ревностнымъ выразителемъ въ поэзіи умышленнаго направленія своего кружка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свой благодушный и мирный характеръ, пламеннымъ порицателемъ западническихъ воззрѣній. Осмѣиваніе западниками искреннихъ и неподкупно-честныхъ національныхъ воззрѣній славянофильскаго кружка, проводимыхъ ими въ литературѣ въ силу глубокаго убѣжденія въ ихъ важномъ значеніи для подъема національнаго самосознанія обезличеннаго внѣшнему подражательностью Европѣ русскаго интеллигентнаго общества, настолько сильно затрогивало и возмущало открытую и честную душу Языкова, что онъ какъ бы совсѣмъ забылъ про свою болѣзнь, при которой ему вредно было волноваться, и въ своихъ стихотвореніяхъ выражалъ страстное негодованіе на представителей западничества вообще, а въ частности на Герцена, Грановскаго и Чаадаева¹⁾. Эти стихотворенія, ходившія въ рукописяхъ по рукамъ друзей Языкова и сдѣлавшіяся извѣстными также западникамъ, вызвали со стороны Герцена и Вѣлинскаго дѣлую бурю негодованій на поэта въ печати²⁾.

Такое обостренное отношеніе между друзьями Языкова и ихъ литературными противниками поставило его еще въ болѣе тѣсныя отношенія къ первымъ. Особенно Языковъ былъ близокъ и въ эту пору жизни въ Москвѣ къ главнымъ представителямъ своего кружка Погодину и Шевыреву, которые, въ свою очередь, сами питали къ Языкову искреннюю привязанность.

¹⁾ Тамъ же, VII, стр. 266—268.

²⁾ «Сочин. Вѣлинскаго», IX, 25—275. «Жизнь и труды М. П. Погодина» VIII, стр. 469—472.

Близкія дружескія отношенія Языкова къ Погодину выразились въ это время, во 1-хъ, въ томъ, что Языковъ большинство своихъ стихотвореній послѣднихъ годовъ помѣщалъ въ издаваемомъ Погодинымъ „Москвитяинѣ“, который, въ свою очередь, по его собственному свидѣтельству, нерѣдко обращался къ Языкову за совѣтами въ различныхъ случаяхъ своей литературно-издательской дѣятельности¹⁾. Языковъ, также по свидѣтельству самого Погодина, „принималъ живѣйшее участіе, не смотря на свою тяжкую болѣзнь“, въ воздѣлкѣ его, Погодина, въ Симбирскѣ на открытіе памятника Карамзину²⁾. Погодину хотѣлось исполнить это въ видѣ командировки отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, что однако не удалось. Послѣ этого онъ желалъ, чтобы его пригласило отъ себя симбирское дворянство. Въ этомъ то случаѣ ему оказала помощь Языковъ чрезъ своихъ братьевъ, жившихъ въ Симбирскѣ³⁾. Выраженіемъ неизмѣнныхъ взаимныхъ дружескихъ отношеній Языкова и Погодина въ разсматриваемый періодъ времени служить также, съ одной стороны, посланіе поэта къ Погодину 1844 г., написанное по случаю полученія Языковымъ отъ него подарка, въ видѣ старинной чернильницы⁴⁾, съ другой стороны, проникнутыя чувствомъ уваженія „Воспоминанія“ Погодина о Языковѣ, напечатанныя имъ подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти друга въ XII номерѣ „Москвитянина“ 1846 года⁵⁾.

Свидѣтельствомъ не менѣ дружественныхъ отношеній Языкова и Шевырева служить, съ одной стороны, также посланіе Языкова къ Шевыреву 1845 года, написанное по поводу читанныхъ имъ въ 1844 г. публичныхъ лекцій по „Исторіи Русской Словесности, преимущественно Древней“ и выражающее восторженно-сочувственное выраженіе Языкова къ тому, что Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ стремился пробудить въ современномъ обществѣ уваженіе къ

¹⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VII, 5—6, 50—51, 31.

²⁾ Тамъ же, стр. 180—181.

³⁾ Тамъ же, стр. 181—184, 203.

⁴⁾ „Стихотвор. Языкова“, 1858 г., II, 249—250.

⁵⁾ Тамъ же, ч. I, стр. LXXII—LXXVIII.

допетровской литературѣ, самаго существованія которой западники не допускали¹⁾, съ другой стороны — полная дружескаго чувства статья Шевырева о жизни и поэзи Языкова, напечатанная въ январѣ 1847 года, послѣ смерти Языкова, въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“. Мало того, Шевыревъ хотѣлъ было посвятить Языкову первую публичную лекцію въ 1847 году, но, къ своему огорченію, не получилъ на это разрѣшенія отъ попечителя Московскаго округа гр. Серг. Григ. Строганова, относившагося несочувственно къ славянофиламъ²⁾.

Близость отношеній Языкова къ Хомякову обусловливалась, прежде всего, ихъ родственными связями, потому что Хомяковъ, какъ мы знаемъ, былъ женатъ на родной сестрѣ Языкова Екатериѣ Михайловнѣ, которую поэтъ горячо любилъ и уважалъ, о чемъ свидѣлствуютъ посвященные ей два стихотворенія, указанные нами ранѣе: „Молитва“ — 1835 г. и „Въ альбомъ“ — 1845 г., въ которыхъ Языковъ изображаетъ ея прекрасныя качества, какъ замужней женщинѣ, — ея завѣтную любовь и преданность мужу и дѣтямъ³⁾. Не менѣе важною причиною близости отношеній Языкова къ Хомякову, какъ къ Погодину и Шевыреву, служила солидарность ихъ воззрѣній, а также признаніе въ немъ наиболѣе талантливаго, разносторонне-образованнаго и краснорѣчиваго представителя славянофильскаго кружка; по словамъ самого поэта, онъ высоко цѣнилъ Хомякова за то,

Что, межъ старѣйшинами града,
Онъ знатенъ мудростью рѣчей,
И что богатъ онъ чистой славой
И славенъ въ общинѣ своей....⁴⁾.

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 282—283. — «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 453—463).

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VIII, 504.

³⁾ «Стихот. Языкова», 1858 г., II, 275—277.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 276.

Доказательствомъ того же глубокаго уваженія Языкова къ Хомякову служить посвященіе ему прекраснаго, составляющаго лебединую пѣсню поэта стихотворенія „Самсонъ“.

Отношенія Языкова къ Елагинымъ и Кирѣевскимъ за это время остались такими же дружескими, какими были въ первый періодъ его жизни въ Москвѣ, когда Языковъ, какъ мы знаемъ, жилъ въ ихъ домѣ, какъ свой человѣкъ. Это видно изъ посланія Языкова 1844 года „А. П. Елагиной“, написаннаго по поводу посвященія ей вновь изданныхъ въ 1845 г. поэтомъ стихотвореній; въ указанномъ посланіи Языковъ упоминаетъ о добромъ расположеніи Елагиной къ нему и его стихотвореніямъ „въ дни.... были“, —

Въ дни жизни радостной и пѣсенъ удалыхъ;
къ этому онъ прибавляетъ:

И нынѣ вы, какъ той порою,

Добры, пріятливы и ласковы ко мнѣ....¹⁾

Такія же отношенія Языкова къ дому Елагиныхъ и Кирѣевскихъ, изъ членовъ котораго Алексѣй Андреевичъ Елагинъ скончался нѣсколькими мѣсяцами ранѣе Языкова, подтверждаются письмами Ив. В. Кирѣевского изъ Москвы въ село Петрищево къ матери Авдотѣ Петровнѣ и брату Петру Васильевичу, въ которыхъ выражается по поводу кончины Языкова глубокое сердечное горе²⁾.

Въ этотъ періодъ жизни въ Москвѣ у Языкова установились также вполне дружескія отношенія къ Аксаковымъ — Сергѣю Тимофеевичу и его знаменитымъ сыновьямъ, въ то время еще молодымъ людямъ — Константину и Ивану Сергѣевичамъ, изъ которыхъ первый въ это время постоянно жилъ въ Москвѣ и частью въ подмосковной деревнѣ Абрамцевѣ; Иванъ же Сергѣевичъ, жившій вслѣдствіе служебныхъ обязанностей въ провинціи, нерѣдко наѣз-

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 244—245.

²⁾ Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевского, т. I, стр. 96—99.

жалъ въ Москву навѣстить семейство и бывалъ у Языкова¹⁾. Указанныя отношенія Языкова къ Аксаковымъ очевидны, прежде всего, изъ посланія его 1844 г. къ Константину Сергѣевичу, въ которомъ Языковъ восхваляетъ его, какъ пламеннаго поклонника и защитника русскихъ національныхъ убѣждений, исповѣдуемыхъ славянофилами²⁾. Впрочемъ правдивый Языковъ въ своемъ стихотвореніи 1846 года „Романъ“ остроумно и добродушно пронизываетъ надъ „неукротимую пылкостью“ Константина Сергѣевича, которою онъ отличался въ спорахъ даже и съ друзьями³⁾, изображая его въ образѣ храбраго рыцаря, который во время одинокой поѣздки по лѣсу вообразилъ себѣ, что его преслѣдуетъ со свистомъ неизвѣстный врагъ; рыцарь въ неистовствѣ собирается „раскрыть черепъ“ дерзкому противнику; но поэтъ охлаждаетъ рвеніе строптиваго противника слѣдующимъ замѣчаніемъ:

Не горячись ты, молодецъ!

Свистѣ . . . у тебя въ носу⁴⁾.

Дружескимъ чувствомъ проникнуто посланіе Языкова 1845 г. „И. С. Аксакову“, въ которомъ Языковъ, восхищаясь проблесками живого поэтического таланта въ появившихся тогда впервые въ печати лирическихъ стихотвореніяхъ Ивана Сергѣевича, совѣтуетъ ему исключительно предаться поэтическому творчеству⁵⁾. Что касается до взаимныхъ дружескихъ отношеній Сергѣя Тимофеевича Аксакова и Языкова, то объ этомъ достаточно данныхъ въ воспоминаніяхъ перваго — „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. Въ приводимомъ здѣсь своемъ письмѣ къ Гоголю 1844 г. Аксаковъ лаконически, но выразительно замѣчаетъ: „Мы сошлись съ Язы-

¹⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VIII, 342.

²⁾ Тамъ же, VII, стр. 467.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1891 года, октябрь; „Мои воспоминанія“, Буслаяна, стр. 638. — „Историч. Вѣстникъ“ 1892 г., апрѣль; „Изъ воспоминаній Д. П. Погодина“, стр. 38.

⁴⁾ „Стихотвор. Языкова“, 1858 г., II, 284—285. См. также „Стихотв. Языкова“, изд. 1887 г., стр. 132—133, гдѣ указано, что это стихотвореніе представляетъ собою шутку про К. С. Аксакова.

⁵⁾ „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 281—282.

ковымъ¹⁾. Имя въ виду эти дружескія отношенія Языкова къ Сергѣю Тимоѣевичу, Гоголь въ своихъ письмахъ изъ за границы къ первому часто спрашиваетъ его о Сергѣѣ Тимоѣевичѣ, или же при письмахъ къ Языкову прилагаетъ записки на имя Аксакова, при чемъ и послѣдній при посылкѣ Языковымъ писемъ Гоголю пользуется тѣмъ же; точно также въ письмахъ къ Аксакову Гоголь нерѣдко задаетъ тѣ или другіе вопросы относительно Языкова²⁾.

О близкихъ отношеніяхъ Языкова къ Василю Алексѣевичу Панову свидѣтельствуетъ участіе Языкова въ издаваемомъ Пановымъ „Московскомъ Сборникѣ“, въ первомъ томѣ котораго за 1846 г. были помѣщены лучшія стихотворенія двухъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта: „Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину“ и „Самсонъ“; о томъ же свидѣтельствуетъ ходатайство Языкова передъ Гоголемъ въ письмѣ къ нему отъ 10 августа 1846 г. написать что-либо для „Московского Сборника“, окончившееся, впрочемъ, неудачей вслѣдствіе нежеланія Гоголя, занятаго въ это время спѣшнымъ подготовленіемъ къ печати „Выборныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, разбѣиваться на мелкія литературныя статьи³⁾.

Дружескія отношенія Языкова къ Гоголю, жившему все это время за границею, продолжались, какъ мы знаемъ, неизмѣнно до конца жизни Языкова путемъ переписки. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ пребыванія Языкова въ Москвѣ Гоголемъ было написано ему изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ 32 письма⁴⁾; конечно, и Языковымъ также немало было написано въ это время Гоголю писемъ, какъ объ этомъ можно судить по письмамъ послѣдняго и по свидѣтельству С. Т. Аксакова⁵⁾; но въ печати, какъ мы ранѣе

1) *Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, стр. 129.

2) Тамъ же, стр. 131, 134, 141, 147.

3) „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, 267.—*Русская Старина* 1889 г., январь, стр. 152—153.

4) „Сочин. и письма Гоголя“ т. VI.

5) *Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, стр. 131—147.—„Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, VI, стр. 249—255.

упоминали, известно только одно его письмо къ Гоголю отъ 10 августа 1846 г. Въ этомъ письмѣ Языковъ извѣщаетъ Гоголя о посылкѣ ему, согласно желанію Гоголя, приготовлявшаго въ это время къ печати свою переписку съ друзьями, копій съ нѣкоторыхъ его (Гоголя) писемъ, а также сообщаетъ другу о своемъ намереніи перебраться въ Москву изъ Сокольниковъ, гдѣ онъ это лѣто жилъ на дачѣ, и благотворномъ дѣйствіи на его здоровье лѣченія холодною водою: „Я доволенъ, говоритъ Языковъ, водолѣченіемъ, хотя я еще не поступилъ подъ полное его дѣйствіе: меня вѣдь нельзя пользоваться прямо, крѣпко и рѣшительно; меня можно поправлять исподволь, потихоньку, полегоньку. Но и въ эти полтора мѣсяца оно сдѣлало во мнѣ такую переиьбу, какой и во всѣ десять или одиннадцать лѣтъ моего нездоровья никакія мази, микстуры, ванны и проч. мнѣ не принесли. Теперь я могу стоять прямо и хожу прямо, а до сихъ поръ мнѣ непреставно что-то давило сгибаться впередъ. Неправда-ли, что это не бездѣлица и стоитъ уже большаго спасибо“¹⁾. Что касается до писемъ Гоголя къ Языкову, то содержаніе ихъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ особенностями мировоззрѣній Гоголя, выработывавшихся въ немъ постепенно съ конца тридцатыхъ годовъ и развиваемыхъ имъ сначала въ интимной перепискѣ съ наиболее близкими друзьями, а затѣмъ выразившихся полностью и открыто въ изданныхъ имъ въ самомъ началѣ 1847 г. „Избранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. Сущность этихъ мировоззрѣній слѣдующая: задавшись цѣлью, подъ влияніемъ разнорѣчивыхъ и сбивчивыхъ толковъ о его произведеніяхъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ, выяснить для себя, какъ русскаго поэта, положительные нравственно-эстетическіе идеалы, которые должны лежать въ основѣ творческой дѣятельности русскаго поэта, Гоголь, послѣ тяжелаго и упорнаго умственнаго самоуглубленія и анализа исторической и современной жизни русскаго народа, пришелъ, несомнѣнно, къ тому истинному

¹⁾ Русская Старина 1889 г., январь, стр 151—152.

убѣжденію, что такими идеалами должны быть, во 1-хъ, непреложныя истины исповѣдуемой русскимъ народомъ христіанской религіи въ духѣ православія и, во 2-хъ, выработанная путемъ историческаго опыта жизни народа, на основѣ тѣхъ же религіозныхъ началъ, совокупность его свѣтлыхъ нравственныхъ понятій, выражающихся въ древнерусской словесности и въ складѣ общественной и частной жизни народа. Къ этому должно замѣтить, что Гоголь отнюдь не отрицаетъ связи русскаго писателя и, конечно, всего общества съ западноевропейскимъ просвѣщеніемъ; онъ признаетъ полезною эту связь для того, „чтобы, съ помощью европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже себя, а не копировать Европу“¹⁾. Въ связи съ своими основными положеніями, Гоголь въ „Выборныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ развиваетъ ту мысль, что русскій писатель-художникъ долженъ не только теоретически усвоить себѣ начала христіанской религіи и народной этики, но также долженъ всецѣло проникнуться ими, выносить ихъ въ своей душѣ и сообразовать съ ними свою личную жизнь; только при этомъ отношеніи къ указаннымъ началамъ онъ явится во всеоружіи на поприще творческой дѣятельности. Эти положенія, твердо установленныя Гоголемъ, проходятъ красною нитью черезъ всю его переписку съ друзьями и особенно ясно выражаются въ статьяхъ: „Письмо къ В. А. Жуковскому“, „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“, „Просвѣщеніе“, „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“²⁾. Въ предпоследней статьѣ Гоголь говоритъ: „христіанскимъ, высшимъ воспитаніемъ долженъ воспитываться теперь поэтъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Гоголя, долженъ „возвращать въ общество то, что есть истинно прекраснаго, и что изгнано изъ него нынѣшнюю безсмысленною жизнью“, т. е. народныя начала³⁾. Въ письмѣ къ Жуковскому

1) „Сочин. Н. В. Гоголя“, изд. Тихомирова, 1883 г., V, 187.

2) Тамъ же, стр. 308—314; 76—80; 82—86; 186—134; 27—37.

3) Тамъ же, стр. 232.

Гоголь говорить: „Писатель, если только онъ озаренъ творческою силою создать собственные образы, воспитайся прежде, какъ чело- вѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо. Иначе все будетъ непопадъ“¹⁾. Такъ какъ, при сильной впечатлительности и рѣшительности характера, Гоголь не принялъ во вниманіе того, что, съ одной стороны, между идеалами, каковы высія начала христіанской религіи и добытая путемъ историче- ского опыта народная мудрость, съ другой стороны— между дѣй- ствительною жизнью стоять всегда большая разъединяющая ихъ пропасть, что его сильно поражала бездна уклоненій отъ этихъ идеаловъ, которую онъ замѣчалъ въ своей личной жизни и жизни современнаго ему русскаго интеллигентнаго общества. Отсюда самъ Гоголь, будучи и прежде религіознымъ челоѣкомъ, съ конца три- дцатыхъ годовъ впалъ въ сильную религіозную настроенность, стре- мился подчинить свою жизнь всецѣло нравственнымъ и обрядовымъ требованіямъ христіанской религіи въ духѣ православія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „окунуться покрѣпче въ коренной Русскій духъ“²⁾; равно и въ письмахъ къ друзьямъ Гоголь настойчиво призывалъ ихъ къ осуществленію въ ихъ личной жизни этихъ требованій. Въ этихъ взглядахъ на основныя руководящія начала русскаго искусства и вообще всей русской образованности Гоголь болѣе или менѣе близко сходилъ съ представителями славнофильскихъ воззрѣній, и если нѣкоторые изъ нихъ, какъ С. Т. и К. С. Аксаковы, были не- довольны книгою Гоголя— „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, то главнымъ образомъ вслѣдствіе привнесенія имъ аске- тическаго начала въ религіозныя воззрѣнія, а также вслѣдствіе несвойственнаго для поэта доктринерскаго въ ней тона и укло- ненія отъ дѣятельности поэта-художника, въ чемъ сознается и самъ Гоголь въ „Письмѣ къ В. А. Жуковскому“, говоря: „Не мое

1) Тамъ же, стр. 312.

2) „Сочин. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, 1858 г., VI, стр. 327.

дѣло поучать проповѣдью.... Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями¹⁾“.

Въ связи съ вышензложеннымъ, сущность всѣхъ писемъ Гоголя къ Языкову заключается въ настойчивомъ призывѣ его къ религиозно-національному самовоспитанію путемъ чтенія соответствующей по содержанию литературы и подчиненія личной жизни производимымъ въ этой литературѣ началомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь стремится возбудить въ Языковѣ поэтическую дѣятельность во имя этихъ началъ. Признавая въ Языковѣ, какъ поэтъ, исключительно лирической талантъ и находя содержаніе его предшествующей поэзіи мелочнымъ, ограничивающимся преимущественно изображеніемъ незначительныхъ сторонъ его же личной жизни, Гоголь совѣтуетъ ему обратиться къ темамъ библейскимъ и изъ русской исторіи и путемъ изображенія наиболѣе выдающихся явленій изъ этой области развивать высшія начала примѣнительно къ жизни современнаго общества. „Отыщи въ минувшемъ“, говоритъ Гоголь, обращаясь къ Языкову въ статьѣ „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“, „событіе, подобное настоящему, заставъ его выступить ярко и порази его въ виду всѣхъ, какъ поражено было оно гнѣвомъ Божиимъ въ свое время; бей въ прошедшемъ настоящее, и въ двойную силу облечется твое слово: живѣе черезъ те выступить прошедшее, и крикомъ закричитъ настоящее. Розогни книгу ветхаго завѣта: ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій, увидишь яснѣе дня, въ чемъ оно преступило передъ Богомъ, и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее. У тебя есть на то орудія и средства: въ стихѣ твоемъ есть сила и упрекающая и подземлющая“²⁾. Въ письмѣ къ Языкову отъ 2 декабря 1844 г. Гоголь, подъ влияніемъ его стихотворенія „Землетрясеніе“, говоритъ: „Ради Святого Неба, перетрихни старину, возьми картины изъ Библіи, или изъ корен-

¹⁾ «Сочин. Гоголя», изд. Тихонова, V, 311; «Жизнь и труды М. П. Погодина» VIII, 572—576; 579—582.

²⁾ «Сочин. Гоголя», изд. Тихонова, V, 77.

ной Русской старины, но такимъ образомъ, чтобы онъ пришлись именно къ нашему вѣку, чтобы въ немъ или (упрекъ, или одобрение ему было "...¹⁾).

Таковъ существенный смыслъ всѣхъ писемъ Гоголя къ Языкову, влияние которыхъ на его поэтическое творчество, какъ мы увидимъ, было въ послѣдній періодъ жизни весьма значительно. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ указаніи этихъ основныхъ началъ Языкову, какъ русскому поэту, Гоголь былъ правъ; только совѣты его Языкову относительно устройства его личной повседневной жизни, напр., о чтеніи религиозныхъ книгъ „въ одно и то же время каждый день, минута въ минуту“²⁾, о еженедѣльномъ служеніи по субботамъ на дому всеночной“³⁾ и проч. отзываются педантизмомъ и аскетическимъ духомъ. Кроме того, настоятельные совѣты Гоголя Языкову обратиться за содержаніемъ для поэтического творчества исключительно къ библейскимъ и національно-историческимъ темамъ не могутъ имѣть вполнѣ оправданія, такъ какъ и современная Языкову жизнь, хотя она была, по мнѣнію Гоголя, „мутна“, могла, несомнѣнно, представлять лирическому поэту немало данныхъ для содержанія его произведеній, въ смыслѣ извлеченія изъ нея наиболѣе выдающихся явленій не только отрицательнаго, но и положительнаго характера. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить и то, что Гоголю было безцѣльно указывать Языкову на современную русскую жизнь, какъ предметъ его поэзіи, потому что Языковъ, при отсутствіи наблюденія надъ нею вслѣдствіе продолжительнаго болѣзненнаго состоянія, былъ непосредственно чуждъ ея интересамъ. Не вполнѣ рассчитано было и обращенное къ Языкову настойчивое требованіе Гоголя относительно того, чтобы онъ, борющийся съ тяжелою неизлѣчимою болѣзню, слабымъ силами, „собралъ въ себя всю силу поэта“ и „воззвалъ, въ видѣ лирическаго сильнаго

¹⁾ «Сочин. и письма Гоголя», изд. Кулиша, VI, 117—118.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

³⁾ Тамъ же, стр. 20.

возвращения, къ прекрасному, но дремлющему человеку¹⁾, когда Языковъ, по его собственному сознанию, былъ „разстроенъ толпой болѣзненныхъ заботъ“²⁾.

Но, живя въ отдаленіи, за границею, Гоголь въ дѣйствительности не могъ всецѣло знать опаснаго состоянія здоровья Языкова, тѣмъ болѣе, что и самъ Языковъ, видимо, благодушно относился къ своей болѣзни. Весною 1845 года онъ даже собирался уѣхать изъ Москвы на житье въ свое Языково. Гоголь въ своемъ письмѣ изъ Франкфурта отъ 5 апрѣля того же 1845 г. убѣдительно отклонялъ его отъ этого рискованнаго, по его состоянію здоровья, предпріятія, говоря: „Намѣреніе твое ѣхать въ Сибирскъ я не одобряю, а Жуковскій, какъ слышалъ, даже закричалъ, чтобы ты ни подъ какимъ видомъ сего не дѣлалъ. А Коппа (заграничный докторъ, лѣчившій Языкова), если услышитъ, въротно, тоже подниметъ вопль; да вредъ ли и Иноземцевъ тебя отпустить... Хорошій докторъ подъ рукою тоже не бездѣлица, а этого въ деревнѣ не найдешь. Мой совѣтъ ужъ лучше послушаться Коппа и сѣздить въ Гастейнъ“³⁾. Языковъ, видимо, послушался совѣта Гоголя относительно рискованности для него поѣздки въ с. Языково, но въ то же время и не принялъ его предложенія „сѣздить въ Гастейнъ“⁴⁾, какъ можно судить по письму Гоголя изъ Франкфурта отъ 1 мая 1845 г., въ которомъ Гоголь говоритъ: „Порядовала меня было мысль встрѣтиться съ тобою, но теперь, какъ вижу изъ письма твоего, ты остаешься въ Москвѣ, не смотря на совѣтъ Коппа проѣздиться въ Гастейнъ“⁴⁾. Хотя водолѣченіе лѣтомъ 1846 года, какъ мы знаемъ по собственному свидѣтельству Языкова въ письмѣ къ Гоголю, дало ему значительное облегченіе, однако оно все-таки не могло возстановить его полуразрушенныхъ силъ: по замѣчанію Погодина, Языковъ въ это время былъ „блѣд-

1) «Сочин. Гоголя», изд. Тихомирова, V, 79.

2) «Отхотв. Языкова», 1858 г., II, 272.

3) «Сочин. и письма Гоголя», изд. Кулиша, VI, 182.

4) Тамъ же, стр. 183—184.

ный, согбенный, изнеможенный, съ тусклыми взорами, со впалыми щеками, съ поникшею головою¹⁾). При этомъ условіи, конечно, достаточно было одного какого-нибудь неблагоприятнаго толчка для его организма, который могъ безповоротно подорвать его силы.

Такимъ роковымъ обстоятельствомъ для жизни Языкова была простуда, которую онъ получилъ въ половинѣ декабря 1846 г. Еще 12 декабря Языковъ писалъ Погодину: „Что это ты не захотѣлъ, мой почтеннѣйшій, откушать моею хлѣба-соли? А мы тебя ждали“²⁾. Въ скоромъ времени послѣ этого Языковъ, продолжавшій по переѣздѣ изъ Сокольниковъ въ Москву систематическое лѣченіе холодною водою не только осенью, но и съ началомъ зимы, получилъ сильную простуду, по свидѣтельству біографа Николаевского, во время одной изъ поѣздокъ изъ квартиры въ водолѣчебное заведеніе³⁾. По свидѣтельству же Ив. В. Кирѣевскаго, Языковъ простудился, „выпивши стаканъ холодной воды“⁴⁾. Вслѣдствіе простуды у Языкова 14 декабря открылась нервная горячка, противъ которой испытанныя медицинскія средства оказались неэффективными. Хотя навѣзавшій въ больницу Иноземцевъ, а также родственники и друзья утѣшали его, но онъ почувствовалъ, что не встанетъ уже съ постели. За четыре дня до кончины, 23 декабря, Языковъ исповѣдался и приобщился Св. Таинъ, затѣмъ распорядился всѣми своими дѣлами и даже назначилъ блюда для своего похороннаго обѣда, на который поручилъ находившемуся при немъ брату Петру Михайловичу пригласить своихъ друзей и знакомыхъ. По временамъ съ нимъ открывался бредъ; но 25 декабря, за день до смерти, ему сдѣлалось легче и онъ разсуждалъ съ присутствовавшими около него о воскресеніи мертвыхъ. На слѣдующій — 13-й день послѣ начала горячечнаго состоянія ему сдѣлалось опять хуже, и въ 5 час. вечера того же 26 декабря онъ

1) «Стихотв. Языкова», 1858 г., I, LXXIV.

2) «Жизнь и труды М. П. Погодина», VIII, 500.

3) «Стихотв. Языкова», 1858 г., I, CIV.

4) «Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевскаго», т. I, стр. 97.

тихо, незамѣтно для присутствовавшихъ скончался. 30 декабря, послѣ отпѣванія въ церкви Благовѣщенія на Тверской улицѣ, тѣло Языкова, искренно оплакиваемого родными, друзьями и почитателями его таланта, было погребено въ Даниловомъ монастырѣ между могилами извѣстнаго слависта Ю. И. Венелина и племянника поэта Валуева; въ 1852 г. около его могилы были похоронены, одинъ за другимъ, дорогіе его сердцу люди—Е. М. Хомякова и Н. В. Гоголь¹⁾). Смерть Языкова, отличавшагося въ жизни мягкою кротостью характера, добросердечіемъ, довѣрчивостью и простотою во взаимныхъ отношеніяхъ съ людьми, имѣвшими къ нему отношенія, вызвала во всѣхъ знавшихъ его и особенно въ друзьяхъ искреннее сожалѣніе о его преждевременной утратѣ. Извѣстный въ то время переводчикъ одъ Горация, землякъ Языкова, занимавшій мѣсто оберъ-прокурора Московскаго сената М. А. Дмитриевъ писалъ Погодину въ ближайшемъ времени послѣ смерти поэта: „А Языковъ не дождался новаго года!... Жаль мнѣ его! Вѣчная ему правда, какъ человѣку, и вѣчная ему память, какъ поэту!“²⁾). Ив. В. Кирѣевскій даже не нашелъ возможнымъ сразу извѣстить жившихъ въ это время въ деревнѣ своихъ мать и брата о кончинѣ Языкова, зная, какъ глубоко огорчить ихъ это извѣстіе. Поэтому въ первомъ письмѣ къ матери, написанномъ тотчасъ же послѣ смерти Языкова, онъ извѣщаетъ ее только объ опасной его болѣзни, подготавливая ее этимъ къ извѣстію о его смерти: „Бѣдный Языкушко очень боленъ. Кажется, послѣ такихъ безпрестанныхъ 15-лѣтнихъ страданій, разстроившихъ его весь организмъ, мудрено повѣрить Иноземцеву, который видитъ надежду выздоровленія“³⁾). Во второмъ письмѣ, 27 декабря, Кирѣевскій, описавъ послѣдніе дни жизни Языкова и его смерть, прибавляетъ: „Скажите брату Петру не вдругъ объ Языковѣ. Я боюсь, что это

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 10; „Изъ воспоминаній княжны В. Н. Рѣшиной о Гоголѣ“, стр. 232.

²⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VIII, 500.

³⁾ „Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевскаго“, т. 1, стр. 97.

слишком поразить его“¹⁾. Въ письмѣ къ брату Петру Васильевичу 10 января 1847 года Кирѣевскій, между прочимъ, говоритъ: „Я не писалъ къ тебѣ передъ новымъ годомъ, потому что не нашель въ себѣ духу говорить тебѣ о бѣдномъ Языкушкѣ“....²⁾

Ө. В. Чижовъ, жившій въ это время въ Римѣ, также былъ глубоко огорченъ и потрясенъ извѣстiемъ друзей изъ Москвы о безнадежномъ состоянiи здоровья и затѣмъ послѣдовавшей кончинѣ Языкова. Въ своемъ письмѣ къ Гоголю 29 декабря 1846 года онъ, по поводу полученныхъ свѣдѣнiй о безнадежномъ состоянiи Языкова, пишетъ: „Грустнымъ вѣстникомъ надобно мнѣ быть для васъ, Николай Васильевичъ, очень грустнымъ.... Вы знали Языкова больше другихъ, вамъ придется и грустить далеко больше другихъ. Мнѣ стыдно признаться, какъ меня поразило это, можетъ быть, и потому, что Языковъ былъ въ глазахъ моихъ святымъ челоуѣкомъ. Александръ Андреевичъ (Ивановъ, извѣстный художникъ) груститъ со мною“....³⁾. Въ письмѣ отъ 30 декабря Чижовъ, подъ впечатлѣнiемъ извѣстiя о кончинѣ Языкова, пишетъ Гоголю: „Вчера меня поразило извѣстiе, — сегодня входитъ глубже, и чѣмъ больше вижу, что мы потеряли, тѣмъ больше тоскуется. Тѣмъ или другимъ путемъ мы теряемъ все прекрасное“....⁴⁾. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, именно въ письмѣ отъ 1 мая 1847 г., тотъ же Чижовъ пишетъ изъ Венецiи Гоголю: „Прошу васъ, Николай Васильевичъ, пишите ко мнѣ, что и о чемъ, не знаю, но прошу потому, что въ минуту внутренняго колебанiя чрезвычайно какъ нужна опора. Она была у меня въ чистой и нравственной душѣ Языкова, но Богу было угодно взять его; теперь въ Москвѣ душа моя не находитъ опоры“⁵⁾. Намъ извѣстно, что Погодинъ и Шевыревъ почтили память Языкова въ повременныхъ московскихъ изданiяхъ прочувствованными статьями о его

¹⁾ Тамъ же, стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стр. 99.

³⁾ «Русская Старина» 1889 г., августъ, кн. 8, стр. 364.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 365.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 375.

жизни и поэзи. Первый въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о Языковѣ указываетъ на выдающійся его патріотизмъ, говоря: „Отечество, Святую Русь, любилъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею и всею мыслию своею. Всякій трудъ, во славу его совершенный, всякое открытіе, общавшее какую нибудь пользу, всякое извѣстіе, которое возбуждало надежду того или другого рода, принималъ онъ къ сердцу и радовался, какъ ребенокъ. Характеръ Русскаго народа уважалъ онъ больше всего; Русскій умъ во всѣхъ его проявленіяхъ, Русскій толкъ, превосходство передъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—составляли его единственную гордость“¹⁾. О поэзи Языкова Погодинъ отзывается слѣдующимъ образомъ: „Имя Языкова останется навсегда украшеніемъ Русской Словесности. Нелѣные толки о его стихотвореніяхъ, распространенные въ послѣднее время людьми пристрастными и легкомысленными, позабудутся скоро, и златокованный стихъ его, которому завидовалъ Пушкинъ, который уважалъ высоко Жуковский, возгремѣть еще громче, заблистаетъ еще ярче, чѣмъ прежде, къ наслажденію и гордости всѣхъ истинныхъ друзей Русской Словесности“²⁾.

Шевыревъ, излагая въ своей статьѣ—„Н. М. Языковъ“ „біографію“ поэта „его же стихами“, обращаетъ вниманіе на то, что Языковъ не былъ узкимъ патріотомъ, въ доказательство чего ссылается на его стихотвореніе „Къ Рейну“, въ которомъ „живое чувство къ родному слилось съ прекраснымъ, благороднымъ, теплымъ сочувствіемъ къ образованной чужбинѣ“³⁾. О высокихъ нравственныхъ качествахъ Языкова Шевыревъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Душа чистая, безобидная, любящая жила въ этомъ тѣлѣ. Мягкая кротость была главною чертою въ его характерѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые

1) „Стихотв. Языкова“, ч. I, стр. LXXV.

2) Тамъ же, стр. LXXVIII.

3) Тамъ же, стр. LXXXV—LXXXVI.

могутъ быть только жертвами другихъ..... Чистоту собственной души онъ всегда видѣлъ и въ другихъ. Всякій близкій могъ завладѣть и его добромъ и имъ всѣмъ, кромѣ его убѣжденій. Въ нихъ только сосредоточивалъ онъ всю крѣпость характера“...¹⁾ О внѣшнихъ достоинствахъ и содержаніи поэзіи Языкова Шевыревъ отзывается такъ: „Н. М. Языковъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію поэтовъ, слѣдовавшихъ за Пушкинымъ, и вмѣстѣ съ немногими избранными владѣлъ тайною того русскаго стиха, который звучалъ по преданію отъ лиры Ломоносова. Ему открыта была, говоря его же словами, музыка мыслей и стиховъ.... Въ самомъ дѣлѣ, ни у кого изъ поэтовъ русскихъ стихи такъ не льются, и слова такъ покорно не смыкаются въ одно согласное и великое цѣлое, какъ у Языкова..... Всякое стихотвореніе его было данью прекрасной души его, приношеніемъ его доброхотства поэтамъ, добрымъ людямъ и друзьямъ за все прекрасное, святое и любовное, отечеству и его исторіи за все великое и славное, жизни за ея дары, любезные намъ и въ самыхъ страданіяхъ“²⁾.

Князь П. А. Вяземскій также помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. прочувствованную статью о Языковѣ, въ которой онъ говоритъ, что въ лицѣ Языкова „угасла послѣдняя звѣзда Пушкинскаго созвѣздія“ и что современники должны оплакивать въ Языковѣ „не только поэта, котораго уже имѣли, но еще болѣе поэта, котораго онъ обѣщалъ“. Отмѣчая далѣе субъективный характеръ поэзіи Языкова, при которомъ она, „чужда запросовъ современной жизни“, князь Вяземскій признаетъ выдающуюся стороною содержанія ея выраженіе сильнаго пламеннаго чувства патриотизма: „Языковъ былъ влюбленъ“, говоритъ князь Вяземскій, „въ Россію..... Когда онъ говоритъ о ней, слово его возгарается, становится огнедышащимъ и потому глубоко и горячо отзывается оно въ душѣ каждаго изъ насъ“.....³⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. ХСІ.

²⁾ Тамъ же, стр. LXXIX, ХСІ, ХСІІ.

³⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VIII, 507—508.

Гоголь, жившій въ это время въ Неаполѣ, еще во второй половинѣ января 1847 г., не смотря на указанное выше извѣщеніе его Чижовымъ, ничего, оказывается, не зналъ не только о смерти Языкова, но и о постигшей его предсмертной болѣзни; нужно полагать, что до него не дошли, по крайней мѣрѣ, два первыя изъ указанныхъ нами ранѣ писемъ Чижова. Поэтому онъ изъ Неаполя посылаетъ Языкову отъ 20 января 1847 г. письмо, въ которомъ проситъ друга выслать ему слѣдующія книги: „Лѣтопись Нестора, изданную Археографическою комиссіею“, „Выходы Царей“, „Народные праздники“ Снегирева и „Русскіе въ своихъ пословицахъ“ его же; въ письмѣ Гоголь по этому поводу прибавляетъ: „Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, чтобы окунуться покрѣпче въ коренной Русскій духъ“¹⁾. Первую, совершенно неожиданную вѣсть о смерти Языкова Гоголь получилъ во второй половинѣ января 1847 года изъ письма Шевырева и, конечно, былъ сильно пораженъ ею. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 25-го января 1847 года изъ Неаполя онъ писалъ подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія слѣдующее: „И Языкова уже нѣтъ! Небесная родина наша наполняется ежеминутно болѣе и болѣе близкими нашему сердцу, и тѣмъ какъ бы становится намъ желаннѣй и драгоценнѣй“²⁾. Къ своей матери по этому поводу Гоголь писалъ въ тотъ же день такъ: „Везъ мысли о смерти и вѣчности, я бы не перенесъ нынѣшней моей печальной утраты, о которой, вѣроятно, вы уже слышали. Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ я жилъ душа въ душу, Н. М. Языкова, къ которому я питалъ истинно родственную любовь, потому что питать истинно родственную любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько-нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, эта смерть сокрушила бы меня, можетъ быть, совершенно“³⁾.

¹⁾ «Сочин. и письма Гоголя», изд. Кулиша, VI, 326—327.

²⁾ Тамъ же, стр. 335.

³⁾ Тамъ же, стр. 332.

Кромѣ того, Гоголь въ своей извѣстной статьѣ „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, входящей въ составъ его „Переписки“, сдѣлала критическую оцѣнку поэзіи Языкова; эта статья, появившись въ печати въ самомъ началѣ 1847 года, „обратилась“, по выраженію князя Вяземскаго, „какъ бы въ надгробное слово о немъ“¹⁾. Въ своей статьѣ Гоголь высоко цѣнить выразившееся во всей силѣ и блескѣ въ юношеской, главнымъ образомъ, дерптской поэзіи Языкова жизнерадостное настроеніе, — выраженіе въ ней „разгула и буйства силъ, удали, свѣта молодого восторга“, „всего, что вызываетъ отвагу — моря, волнъ, бури, пировъ“, „вѣры въ будущее, готовности ратовать за отчизну“, — то жизнерадостное настроеніе, которое, дѣйствительно, рѣзко выдѣляло стихотворенія Языкова изъ массы лирическихъ стихотвореній 20-хъ и 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія романтическаго характера и Байроновскаго пошиба, носившихъ печать мрачнаго унынія и шаблоннаго разочарованія жизнью. Видѣвъ съ тѣмъ, Гоголь находитъ въ указанныхъ стихотвореніяхъ Языкова богатство и роскошь внѣшняго выраженія, — „языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя Языковъ“, продолжаетъ Гоголь, „пришлось ему не даромъ: владеетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью“²⁾.

Въ послѣдующихъ по времени, послѣ дерптскаго періода, стихотвореніяхъ Языкова Гоголь не признаетъ развитія его поэтическаго таланта, находя въ нихъ повтореніе только прежнихъ мотивовъ въ болѣе слабomъ видѣ; причинами этому Гоголь считаетъ, во 1-хъ, то, что у Языкова „хмѣль перешелъ мѣру и что самъ поэтъ загулялся черезчуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе у насъ на Руси“, во 2-хъ, то, что „тяжкая болѣзнь“,

¹⁾ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VIII, 519.

²⁾ «Сочин. Гоголя», изд. Тихоуравова, V, 207—208.

посѣтившая поэта, „отразилась на его духѣ“¹⁾). Въ связи съ этимъ и въ заграничныхъ стихотвореніяхъ Языкова Гоголь не видитъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ, называя ихъ „безучастными записками разъѣздовъ, перечнемъ однообразнострадальческаго дня“ поэта²⁾).

Но въ этомъ строгомъ приговорѣ о поэзіи Языкова виѣдеритскаго періода Гоголь впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ, говоря ранѣе о высокихъ достоинствахъ его юношеской поэзіи, онъ, между прочимъ, приводитъ въ примѣръ выдержки изъ стихотворія „Морское купанье“, написаннаго Языковымъ въ 1840 г., во время его заграничнаго путешествія, а это уже само по себѣ указываетъ на то, что и между стихотвореніями Языкова, написанными послѣ дерптскаго періода, очень много найдется такихъ, которыя по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, какъ мы указывали при разсмотрѣніи ихъ, отнюдь не уступаютъ его лучшимъ стихотвореніямъ дерптскаго періода. Строгость этого приговора Гоголя относительно поэзіи Языкова обуславливается тѣмъ, что Гоголь, послѣ своего знакомства съ Языковымъ, какъ мы знаемъ, съ настойчивостью совѣтовалъ ему измѣнить направленіе своей игривой поэзіи, посвященной обыденнымъ сторонамъ преимущественно его личной жизни, и придать ей болѣе важный характеръ и тонъ: „Не постопамя Пушкина“, говоритъ Гоголь, „надлежало Языкову обработывать и округлять стихъ свой; не для элигій и антологическихъ стихотвореній, но для диамрамба и гимна родился онъ..... И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой“³⁾). Языковъ же, какъ мы видѣли ранѣе и затѣмъ далѣе увидимъ изъ разсмотрѣнія его послѣднихъ стихотвореній, только отчасти обращался для своихъ стихотвореній къ темамъ возвышеннаго характера, — изъ библіи и отечественной исторіи, не прекращая въ то же время своего творче-

¹⁾ Тамъ же, стр. 209.

²⁾ Тамъ же, стр. 210.

³⁾ Тамъ же, стр. 211.

ства въ прежнемъ легкомъ и игривомъ тонѣ. Въ связи съ этимъ, Гоголь придаетъ высокое значеніе только тѣмъ изъ стихотвореній Языкова послѣ дерптскаго періода, въ которыхъ онъ видитъ осуществленіе его желаній относительно направленія поэзіи Языкова, въ родѣ стихотворенія „Землетрасеніе“ и проч.¹⁾

Литературная дѣятельность Языкова въ послѣдніе три года его жизни въ Москвѣ выразилась въ формѣ 20-ти посланій, трехъ стихотвореній религіознаго содержанія, двухъ стихотвореній съ историческимъ содержаніемъ („Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину“ и драматическая сцена „Отрокъ Вячко“) и извѣстнаго намъ игриваго романа— „Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ“, представляющаго собою шутку по отношенію къ К. С. Аксакову. Преобладающее большинство этихъ стихотвореній по блеску внѣшняго выраженія и силѣ чувства принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Языкова, и только въ незначительной части посланій этого времени, каковы, наприм., посланія А. П. Елагинной, М. П. Погодину, второе посланіе 1844 г. А. В. Кирѣевой, первое посланіе 1844 г. К. К. Павловой, замѣчается блѣдность, растянutosть и монотонность рѣчи. Посланія Языкова этого времени обращены преимущественно къ московскимъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ и по своему основному содержанію имѣютъ, какъ и всѣ прежнія, субъективный характеръ, такъ какъ поводами къ созданію ихъ служили обстоятельства, возникшія на почвѣ личныхъ дружественныхъ отношеній поэта къ тѣмъ или другимъ лицамъ. Такъ, посланіе А. П. Елагинной написано, какъ мы уже ранѣе упоминали, по поводу „привѣтливаго и ласковаго“ отношенія ея къ поэту²⁾; посланіе кн. С. П. Голицинной и два посланія 1844 г. А. В. Кирѣевой служатъ отголосками прежнихъ эротическихъ стихотвореній Языкова, такъ какъ въ этихъ трехъ

¹⁾ «Сочин. Гоголя», изд. Тихонравова, V, 211.

²⁾ «Стихотворенія Языкова», изд. 1858 г., II, 244—245.

посланияхъ поэтъ восторгается красотою названныхъ женщинъ; въ посланияхъ Я. П. Полонскому, В. Н. Анненковой и М. П. Погдину Языковъ выражаетъ благодарность, — первому за поднесеніе сборника его стихотвореній, изданныхъ въ 1844 г.¹⁾, второй — за поднесеніе поэту „двухъ вѣнковъ“²⁾ и третьему за поднесеніе старинной чернильницы³⁾; въ первомъ посланіи 1844 года К. К. Павловой⁴⁾ и въ посланіи И. С. Аксакову⁵⁾ Языковъ выражаетъ свое сочувствіе къ ихъ поэтическимъ произведеніямъ; посланіе П. А. Вяземскому представляетъ собою сравнительно запоздалый отвѣтъ Языкова на стихотворное привѣтствіе перваго изъ Дерпта въ 1833 г.⁶⁾ и благодарность за посѣщеніе больного Языкова въ Гану въ 1838 г.⁷⁾. Конечно, указанныя посланія Языкова, какъ и посланія предшествующихъ періодовъ его жизни, не лишены автобиографическихъ чертъ: въ нихъ поэтъ предается воспомина- ніямъ о различныхъ періодахъ своей прежней жизни — въ Дерптѣ, Москвѣ, за границею, характеризуетъ состояніе ея въ настоящее время, а также выражаетъ взглядъ на собственную поэтическую дѣятельность въ разные періоды жизни.

Такъ, въ посланіи кн. П. А. Вяземскому Языковъ съ удо- вольствіемъ вспоминаетъ о своей веселой студенческой жизни въ Дерптѣ, „гдѣ“, говорятъ поэтъ:

.....когда-то
Шла ходко, смѣло жизнь моя,
Гдѣ я гулялъ молодцовато,
Пилъ крѣпкій, сладкій медъ студентскаго
жизья.....⁸⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 245—246.

²⁾ Тамъ же, стр. 248—249.

³⁾ Тамъ же, стр. 249—250.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 270—272.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 281—282.

⁶⁾ «Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго», С. П. В., 1880; т. IV, стр. 180—182.

⁷⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 253—255.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 254.

Еще съ большою восторженностью онъ вспоминаетъ при обращеніи къ А. В. Кирѣевой, во второмъ посланіи къ ней 1844 г., о своемъ жизнерадостномъ настроеніи и высокихъ поэтическихъ порывахъ, сопутствовавшихъ ему въ эту пору жизни:

Въ тѣ дни желаній легкокрылыхъ,
Восторговъ мыслей и стиховъ,
Счастливыхъ, радостныхъ и милыхъ,
Когда весь міръ намъ любъ и новъ,
Гостепріименъ и чудесенъ,—
Въ тѣ дни разгара чувствъ и силъ,
Я много, много, много пѣсенъ
Сердечныхъ— вамъ бы посвятилъ,
Свободно, весело дѣлѣя
Живыя, пылкія мечты¹⁾

Съ такимъ же радостнымъ чувствомъ Языковъ вспоминаетъ въ своихъ послѣднихъ посланіяхъ о своей прежней московской жизни въ теченіе 1829—1833 г.г. Въ посланіи В. Н. Анненковой онъ говоритъ объ этой жизни:

Въ тѣ дни, какъ межъ лилей и розъ,
Раскидистъ, свѣжъ, блестящъ и ярокъ,
Цвѣтокъ веселаго житія
Я полонъ жизни красовался,
И здѣсь въ Москвѣ доразвивался
И довоспитывался, — я
Въ тѣ дни, златые дни! быть можетъ
И стоилъ этихъ двухъ вѣнковъ²⁾

Въ посланіи А. П. Елагиной Языковъ, называя это время „днями жизни радостной и пѣсенъ удалыхъ“, жизнью, „полною залетными веселыми мечтами“, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г, II, 256—257.

²⁾ Тамъ же, стр. 248.

своимъ „разгульнымъ, звонкомъ стихъ“, которымъ онъ бращалъ на себя вниманіе общества въ это время¹⁾.

Въ противоположность этому, Языковъ теперь съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаетъ о своей болѣзненной и заграничной жизни, называя ее „суровою, сумрачною годиною“, временемъ „жестокаго топления“²⁾.

Въ посланіи къ П. А. Вяземскому поэтъ говоритъ объ этой жизни:

Болѣзнъ гнела меня и мнѣ тѣснила грудь,
И мнѣ миръ поэта, мнѣ высвѣтъ
Едвали мнѣ доступенъ былъ,
Въ моей кручинѣ лебекою,
Въ глухомъ бездѣйствіи, въ упадкѣ чувствъ и силъ³⁾.

Въ первомъ посланіи 1844 г. Е. К. Павловой Языковъ вспоминаетъ объ этой порѣ жизни съ такимъ же тяжелымъ чувствомъ:

..... жестоко боленъ
Тѣлесно и жестоко хилъ
Душевно, я судьбою былъ
Жить на чужбинѣ приневолень, —
..... подѣ гнетомъ же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или гомеровы мольбы⁴⁾.

О своихъ стихотвореніяхъ того же заграничнаго періода жизни Языковъ также отзывается въ недовольномъ тонѣ, говоря, что „въ нихъ“

Нѣтъ достоудобной красоты,
Ни доброй юношеской силы,
Ни блеска свѣжести пѣвительной⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 244.

²⁾ Тамъ же, стр. 245—270.

³⁾ Тамъ же, стр. 255.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 270.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 245.

Настоящая московская жизнь Языкова, въ соответствии съ продолжавшимися неодинаковыми симптомами его болѣзни, вызываетъ въ немъ колебательное, неустойчивое состояніе духа: частью поэтъ выражаетъ, какъ мы ранѣе видѣли изъ посланій къ Вяземскому и Анненковой¹⁾, жалобы на свою болѣзненность, частью же въ его поэзіи обнаруживается подъемъ духа, — доброе состояніе, какъ наприм., въ первомъ посланіи 1844 г. К. К. Павловой, въ посланіяхъ Погодину и Елагиной. Въ первомъ, наприм., посланіи Языковъ говоритъ, что онъ „хвораетъ менѣ и не груститъ уже“, „отворяетъ дверь красавицѣ, Каменѣ, зоветъ ее къ себѣ“²⁾.

Относительно своей поэзіи послѣдняго времени Языковъ выражаетъ въ тѣхъ же посланіяхъ то положительное убѣжденіе, что хотя въ ней нѣтъ силы чувства и игривости, которая свойственна была его ранней поэзіи, тѣмъ не менѣе ей присущи, взамѣнъ этого, большая сосредоточенность и трезвое отношеніе къ жизни. Въ посланіи М. П. Погодину поэтъ объ этомъ говоритъ такъ:

Да, братъ, теперь мои созданья

Не то, что въ пору волнованья

Надеждъ и мыслей; такъ и быть!

Они теперь напитокъ трезвый:

Давнымъ давно уже въ нихъ нѣтъ

Игры и силы прежнихъ лѣтъ,

Ни мысли пламенной и рѣзвой,

Ни пыльно-рѣзвато-стиха.

И не диковенное дѣло: никто

Я самъ не тотъ уже, и смѣло

Въ томъ признаюсь...³⁾

Сознавая, такимъ образомъ, пониженіе въ самомъ себѣ, вслѣдствіе возраста и болѣзненности, прежней юношеской свѣжести и силы душевныхъ порывовъ, Языковъ въ то же время чрезвычайно

¹⁾ Тамъ же, стр. 249—255.

²⁾ Тамъ же, стр. 271.

³⁾ Тамъ же, стр. 250.

горячо привѣтствуетъ въ своихъ посланіяхъ обнаруженіе этихъ качествъ въ молодыхъ людяхъ, выступавшихъ въ это время съ своими поэтическими произведеніями въ литературѣ. Будучи самъ всецѣло лирическимъ поэтомъ, искренно любя этотъ родъ поэзіи и признавая, по собственному опыту творчества, важность въ немъ силы и горячности непосредственнаго природнаго чувства („могучей силы и жара“), онъ съ радостью отмѣчалъ этотъ даръ въ своихъ будущихъ замѣстителяхъ, начинающихъ поэтахъ — лирикахъ. Таковъ смыслъ его посланій Я. П. Полонскому, И. С. Аксакову, Вар. Ник. Анненковой, впоследствии известной писательницѣ, и К. К. Павловой.

Последнюю Языковъ впервые привѣтствовалъ еще съ переходомъ изъ Дерпта въ Москву, въ 1839 году, когда только что появились въ печати первыя стихотворенія 19-ти лѣтней дѣвицы Янишъ. Съ этого года до конца своей жизни Языковъ, самъ, въ свою очередь, пользовавшійся сочувствіемъ Янишъ къ его поэтическимъ произведеніямъ, не переставалъ время отъ времени обращаться къ ней съ дружескими привѣтственными посланіями, которыхъ всего имъ было написано семь. Въ первомъ посланіи къ Янишъ 1829 г. Языковъ, самъ уже весьма популярный въ то время поэтъ, выражаетъ сочувствіе къ ея начинаніямъ въ поэзіи въ такой сильной степени, что даже свои поэтическія произведенія признаетъ ниже ея¹⁾; во второмъ посланіи къ Янишъ 1831 г. Языковъ восхваляетъ достоинство преимущественно ея переводовъ на немѣцкій языкъ стихотвореній русскихъ поэтовъ²⁾. Съ выходомъ замужъ въ концѣ 30-хъ годовъ за Николая Филипповича Павлова, очень популярнаго въ то время въ Москвѣ своими повѣстями и впоследствии критическими письмами къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“ литератора, Каролина Карловна стала писать исключительно оригинальныя стихотворенія на русскомъ языкѣ. Поэтому Языковъ въ своихъ послѣдующихъ посланіяхъ привѣтствуетъ

¹⁾ «Стихотв. Яяикова», 1858 г., I, 126.

²⁾ Тамъ же, II, 23.

ее, какъ счастливую спутницу на поприщѣ „родной музы“, указывая на присущія ей стихотворенія гармоничность стиха и сильную выразительность рѣчи. Съ другой стороны, Языковъ въ посланіяхъ Павловой отиѣчаетъ сочувственное ея отношеніе къ его поэзи, вызывавшее въ немъ энергію къ поэтическому творчеству, какъ въ былое время вызывало такую же энергію вліяніе А. А. Воейковой; поэтому-то Языковъ, наприм., въ посланіи 1841 г. называетъ Павлову „благословенною звѣздою“ его „поэзи“:

Еще сияеть мнѣ любезно, какъ бывало,

и
Благословенная звѣзда,

Звѣзда поэзи. О мнѣ и горя мало!

Мнѣ хорошо, я хоть куда!¹⁾

Посланія Я. П. Полонскому и И. С. Аксакову, кромѣ горячаго выраженія пожеланія успѣховъ въ ихъ литературной дѣятельности, заключаютъ въ себѣ взглядъ Языкова на сферу мысленія лирическаго поэта и содержаніе его произведеній, сходный съ взглядомъ Пушкина, выраженнымъ имъ, главнымъ образомъ, въ стихотвореніи „Чернь“²⁾. По мнѣнію Языкова, лирическій поэтъ долженъ быть чуждъ идейной предвзятости и служенія какому-либо утилитарнымъ цѣлямъ, подчиняясь исключительно своему непосредственному вдохновенію и чувству. Въ посланіи Полонскому Языковъ выраетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ:

О! пой плѣнительный пѣвецъ,

Лаская чисто и прекрасно

Мечты задумчивыхъ сердець;

И пой, какъ соловей поетъ въ затишьи сада

Свою весну, свою любовь.

И въ пѣньи томъ и вся награда

Ему за пѣнье.³⁾

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 240.

²⁾ «Сочин. Пушкина», изд. Суворина, IV, 5.

³⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 245—246.

Въ посланіи И. С. Аксакову Языковъ по этому поводу говоритъ:

Бѣги ты далеке отъ шумнаго свѣта,

Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ;

Живи ты высокою жизнью поэта

И пой, какъ дубравная птица поетъ

На волѣ.¹⁾

Въ основѣ всѣхъ остальныхъ посланій Языкова того же послѣдняго періода его жизни лежитъ одна строго опредѣленная идея, объединяющая ихъ по содержанію: въ нихъ Языковъ является выразителемъ и защитникомъ національныхъ воззрѣній московскихъ славянофиновъ 40-хъ годовъ, съ которыми онъ, какъ намъ извѣстно, состоялъ въ тѣсной дружбѣ. Эти убѣждения, внушенные Языкову, безъ сомнѣнія, еще во время его ученія въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ учителямъ словесности А. Д. Марковымъ, человекомъ съ „самобытнымъ просвѣщенемъ“, и, несомнѣнно, поддержаннымъ Пушкинымъ во время ихъ бесѣдъ въ 1826 г. къ Тригорскомъ и Михайловскомъ, назрѣвали въ немъ въ бытность студентомъ въ Дерптѣ и обозначались тогда во многихъ стихотвореніяхъ, выражающихъ его глубокое уваженіе къ родинѣ, Россіи и національнымъ началамъ русской жизни. Во время жизни въ Москвѣ въ 30 годахъ эти національныя убѣжденія Языкова окрѣпли, приняли сознательно-устойчивый характеръ вслѣдствіе тѣснаго общенія съ Погодинымъ, Хомяковымъ, Шевыревымъ, Кирѣевскими и др. Поэтому одну изъ отличительныхъ чертъ содержанія стихотвореній, написанныхъ Языковымъ за границею, составляетъ также выраженіе горячаго патріотическаго настроенія. Вликая дружба Языкова за границею съ Гоголемъ, хотя стоявшимъ въ сторонѣ отъ возникшихъ потомъ споровъ славянофиловъ и западниковъ, но, несомнѣнно, глубокимъ и свѣтлымъ русскимъ патріотомъ, и потому болѣе склонявшимся къ славянофильскимъ воззрѣніямъ²⁾, а также дружба

¹⁾ Тамъ же, стр. 282.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 468.

сь О. В. Чижовымъ способствовали еще большому укрѣпленію въ немъ національнаго направленія. При этомъ Языковъ, очевидно, и во время пребыванія за границею слѣдилъ, насколько это было возможно по русскимъ журналамъ, письмамъ друзей и разпросамъ вновь пріѣзжавшихъ изъ Россіи соотечественниковъ, за выраставшею двойственностью въ умственномъ направленіи московскаго образованнаго общества конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, такъ какъ охарактеризовалъ ее, какъ намъ извѣстно, въ своей драматической сцѣнѣ 1840-го года — „Встрѣча новаго года“.

По пріѣздѣ изъ-за границы въ Москву Языковъ, какъ мы знаемъ, вскорѣ былъ охваченъ ходомъ борьбы, царившей въ это время въ литературѣ между славянофилами и западниками. Отраженіемъ непосредственнаго участія Языкова въ этой борьбѣ и было появленіе въ печати и въ рукописяхъ значительнаго количества его посланій и другихъ стихотвореній полемическаго характера, направленныхъ прямо или косвенно на защиту національных славянофильскихъ воззрѣній, а также на опроверженіе противоположныхъ имъ западническихъ воззрѣній.

При этомъ нужно замѣтить, что посланія и другія стихотворенія Языкова этого рода отличаются, сравнительно съ разсмотрѣнными ранѣе его посланіями, сильною энергіей чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ свойственною также его раннимъ стихотвореніямъ выразительностью рѣчи и гармоничностью стиха, что указываетъ на искренность и глубину патріотическаго настроенія поэта.

Все посланія Языкова этого рода можно раздѣлить по преобладающему характеру ихъ содержанія на два разряда: въ однихъ изъ нихъ Языковъ обращается къ лицамъ, раздѣлявшимъ славянофильскія воззрѣнія и способствовавшимъ проведенію ихъ въ обществѣ, высказывая къ нимъ свою горячую симпатію; въ другихъ посланіяхъ, наоборотъ, онъ обращается къ сторонникамъ западническихъ воззрѣній, выражая по отношенію къ нимъ свое негодованіе. Въ посланіяхъ первой категоріи Языковъ раскрываетъ наиболѣе существенныя славянофильскія воззрѣнія: глубокую любовь

ющее: „Стихотвореніе къ Шевыреву очень сильно и станетъ недалеко отъ „Къ не нашихъ“ (также стихотвореніе Языкова, о которомъ будетъ сказано ниже), а можетъ быть, и сравнится даже съ нимъ“¹⁾. Въ посланіи К. С. Аксакову Языковъ выражаетъ свою симпатію и уваженіе къ нему вслѣдствіе его пламенной преданности всему отечественному и его глубокой вѣры въ будущее величіе Россіи подъ обезпеченіемъ „самобытности державной и добродѣтельныхъ Царей“:

Ты молодецъ! Въ тебѣ прекрасно

Кипитъ, бурлитъ младая кровь,

Въ тебѣ возвышенно и ясно

Святая къ родинѣ любовь

Пылаетъ. Бойко и почтено,

За Русь и нашихъ ты стоишь;

Объ ней поешь ты вдохновенно,

Объ ней ты страстно говоришь,

Судьбы великой, жизни славной

На много, много, много дней,

И самобытности державной

И добродѣтельныхъ Царей,

Ты ей желаешь. Милъ мнѣ ты,

Сіяють свѣтлой чистотою

Твои надежды и мечты.

Дай руку мнѣ.....²⁾

Видѣвъ съ тѣмъ Языковъ, однако, укоряетъ въ томъ же стихотвореніи Аксакова за дружбу съ Герценомъ, какъ наиболѣе непримиримымъ, безцеремоннымъ противникомъ славянофильскихъ воззрѣній, называя послѣдняго лакеемъ, щеголяющимъ западной ливреей, который въ угоду западу „глубокомысленно ставитъ гордую науку превыше Истины Святой“, „Русь злословитъ и

¹⁾ «Сочин. и письма Гоголя», изд Кулиша, VI, 178.

²⁾ «Жизнь и труды Погодина», VII, 467.

ненавидить всей душой¹⁾). Такое негодование Языкова противъ Герцена вызвано было ближайшимъ образомъ его грубыми и неприимыми для національнаго чувства выходками въ литературѣ по поводу лекцій Шевырева. Въ своей юмористической статьѣ — „Умъ хорошо, а два лучше“, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 г., Герценъ по этому поводу писалъ: „Шевыревъ — первый профессоръ элоквиенціи послѣ Тредьяковского, читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о Русской Словесности преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣсней, цѣтой чистымъ соргапо, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ..... Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и — слава Богу — никогда не будетъ“²⁾. Въ другомъ случаѣ Герценъ, досадуя по поводу успѣха лекцій Шевырева, писалъ: „Онъ бывалъ иногда смѣль, и это было очень цѣнено, но общій эффектъ ничего не произвелъ....“³⁾

Въ „Стихахъ на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину“, написанныхъ Языковымъ, какъ намъ извѣстно, по случаю открытія въ Симбирскѣ 23 августа 1845 г. памятника безсмертному исторіографу, поэтъ по образцу извѣстной оды Державина „Памятникъ“, сначала говоритъ о вѣчности, нерушимости въ умахъ грядущихъ поколѣній русскаго общества того памятника, который Карамзинъ создалъ себѣ „Исторіей Государства Россійскаго“ вслѣдствіе правдиво-яркаго освѣщенія въ ней впервые событій отечественной исторіи; затѣмъ Языковъ вкратцѣ обозначаетъ, соответственно „Исторіи“ Карамзина, главнѣйшіе свѣтлые и яркіе моменты исторической жизни русскаго народа до избранія на престолъ Михаила Федоровича и въ заключеніе говоритъ о важномъ воспитательномъ значеніи „Исторіи“ для русскаго общества, въ смыслѣ возбужденія и укрѣпленія въ немъ вообще

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 467.

²⁾ Тамъ же, стр. 462—463.

³⁾ Тамъ же, стр. 462.

чувства патриотизма и въ частности уваженія къ жизни и дѣ-
 ніямъ предковъ:

О! сколько думъ рождаетъ въ насъ,
 И душевныхъ думъ, текущей величаво!
 Его плѣнительный рассказъ
 И ясный и живой, какъ волны голубыя,
 Рѣки, царицы русскихъ водъ
 Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасный и высокой,
 Огонь чистѣйшій и святой,
 Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
 Отъ жизни блудной и пустой,
 Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
 Краснорѣчиво учить онъ
 Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
 Хранить въ душѣ родной законъ,
 Надежно уважать свои родныя силы,
 Спасенья чаять только въ нихъ,
 Въ себѣ,— и не плевать на честныя могилы
 Могучихъ пращуровъ своихъ!¹⁾

Такимъ образомъ, и въ приведенныхъ стихахъ Языковъ, съ
 одной стороны, порицаетъ противонаціональное ученіе западниковъ,
 укоряя ихъ за „преданность чужбинѣ“ и неурязненное отношеніе
 къ русской національности. Въ данномъ случаѣ негодование Язы-
 кова на западниковъ вызвано было ближайшимъ образомъ обид-
 нымъ для національнаго русскаго чувства ироническимъ отноше-
 ніемъ „Отечественныхъ Записокъ“, органа западниковъ, къ само-
 му торжеству при открытіи памятника Карамзину и въ частности
 къ произнесенному при этомъ торжествѣ Погодинымъ „Похваль-
 ному слову Карамзину“²⁾.

Съ другой стороны, въ тѣхъ же приведенныхъ стихахъ Язы-
 ковъ является горячимъ сторонникомъ сознательно-критическаго от-

¹⁾ «Стихотв. Язкова», 1858 г. II, 200—281.

²⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VIII, 207—208.

ношенія къ имѣющей свои недостатки западно-европейской цивилизаціи и неприкосновенности основныхъ традиціонныхъ началъ русской національности.

Какъ „Похвальное слово Карамзину“ Погодина, такъ и „Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину“ Языкова не были допущены къ печати Московскимъ цензурнымъ Комитетомъ, во главѣ котораго стоялъ извѣстный намъ по своему недоброжелательству къ славянофиламъ и благоволенію къ западникамъ тогдашній Московскій Попечитель Гр. Строгановъ. При недопущеніи къ печати стихотворенія Языкова Московская цензура указала на строгую отрицательную характеристику въ немъ, въ духѣ Карамзина, личности Царя Ивана Васильевича Грознаго. Тогда Языковъ, пользуясь примѣромъ Погодина, „Похвальное слово“ котораго, не пропущенное Московскою цензурою, было разрѣшено къ печати Петербургскимъ цензурнымъ Комитетомъ, также представилъ свое стихотвореніе въ послѣдній Комитетъ, которымъ и было разрѣшено печатаніе стихотворенія. Властный Гр. Строгановъ, задѣтый за живое и сконфуженный этимъ оборотомъ дѣла въ глазахъ окружающихъ его и особенно въ глазахъ нелюбимыхъ имъ славянофиловъ, даже не утерпѣлъ вступить въ переписку съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Уваровымъ, указывая ему, своему начальнику, на неудобство такого противорѣчія Петербургскаго цензурнаго Комитета съ Московскимъ по настоящему вопросу. Уваровъ на эту выходку Гр. Строганова отвѣтилъ въ весьма тактичной формѣ: онъ оправдываетъ, съ одной стороны, Петербургскій Комитетъ въ допущеніи къ печати стихотворенія Языкова, а съ другой стороны, щадя начальническое самолюбіе Гр. Строганова, предоставляет на его усмотрѣніе разрѣшить или не разрѣшить печатаніе стихотворенія Языкова въ Москвѣ: „Я не нахожу“, пишетъ Уваровъ, „въ немъ (стихотвореніи Языкова) ничего непозволительнаго, кромѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ выраженій въ характеристикѣ царствованія Іоанна Грознаго. Впрочемъ, какъ объ этомъ изображеніи представляется въ краткихъ чертахъ то, что

къ Россіи и въ частности къ Москвѣ, какъ центру русскаго національнаго самосознанія, признаніе неприкосновенности и важнаго значенія для Россіи православія, самодержавія, народности и уваженіе вообще къ свѣтлымъ началамъ исторической жизни русскаго народа; въ посланіяхъ же второй категоріи Языковъ указываетъ вредныя стороны для русскаго самосознанія западныхъ воззрѣній, въ основѣ которыхъ лежитъ пренебреженіе ко всему національно-русскому и, въ противоположность этому, пристрастіе ко внѣшне-либеральнымъ европейскимъ идеямъ и складу жизни европейскихъ народовъ.

Къ первой категоріи относятся слѣдующія посланія: К. Б. Павловой (второе посланіе 1844 г.), Александръ Васильевичъ Кирѣевой, С. П. Шевыреву, К. С. Аксакову, Ал. Дм. Хрипкову; сюда же относятся стихотворенія — „Въ Альбомѣ“ и „Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину“.

Въ указанномъ посланіи Павловой Языковъ выражаетъ уваженіе къ ней за ея русскія національныя убѣжденія, отразившіяся въ ея стихотвореніяхъ:

Хвалю я васъ за то, что вы
Поете намъ, не какъ инья,
Что вамъ отечество Россія,
Вамъ — славной дочери Москвы!.....
.....
Я васъ хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гете
Послушны вамъ, какъ вашъ родной.....¹⁾

Видѣтъ съ тѣмъ Языковъ въ томъ же посланіи высказываетъ свое уваженіе къ Павловой за то, что она въ своихъ стихотвореніяхъ является выразительницею высокихъ свойствъ русскаго

¹⁾ „Стихотв. Языкова“, II, 272—273.

языка и такимъ образомъ способствуетъ его литературному совершенствованію: **Металльный, звонкій, самогудный, Разгульный, и вѣткій нашъ языкъ!** Въдъ онъ не всякому по силамъ!¹⁾ Въ противоположность этому Языковъ въ томъ же посланіи негодуетъ на современное женское общество высшаго круга за его пренебреженіе къ отечественной литературѣ и языку вслѣдствіе увлеченія противонаціональными убѣжденіями, иностранною литературою и иностраннымъ, т. е. французскимъ языкомъ:

А почитательницамъ милымъ Чужеславныхъ думъ и книгъ Онъ (русскій языкъ) недоступенъ — и не знаютъ Онъ его — онъ болтаютъ Другимъ, не русскимъ языкомъ Свои мечты и впечатлѣнья: И нѣтъ на нихъ благословенья, Онъ у Бога ни почему!²⁾

Съ этимъ посланіемъ очень сходно по своему содержанию посланіе Языкова 1845 г. А — рѣ Васильевнѣ Кирѣевой. Въ немъ поэтъ также, съ одной стороны, выражаетъ свое уваженіе къ этой „славной дочери Москвы“ за ея твердыя патріотическія убѣжденія:

**Вы изменить не захотите
Завѣтнымъ чувствамъ; — вы вполнѣ
Вы чисто намъ принадлежите,
Родной, славянской сторонѣ,
И сильно бьется сердце ваше
(За насъ. И тѣмъ милѣе вы,
Великолѣпнѣе и краше,
Вы — украшеніе Москвы!³⁾**

¹⁾ Тамъ же, стр. 273.

²⁾ Тамъ же, стр. 273.

³⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 275.

Съ другой стороны, Языковъ въ посланіи Кирѣевой выра-
жаетъ сильное негодованіе на тѣхъ же „почитательницъ милыхъ
чужеславныхъ думъ и книгъ“:

Я не люблю, я врачъ нещадный
Тѣхъ жень, которыя отъ насъ
И православнаго закона
Своей родительской земли
Подъ вѣтротлѣнными знамена
Заморской нехристи ушли,
И западъ ласково ихъ тянетъ
Въ свои объятія¹⁾

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что это честно-патріо-
тическое негодованіе Языкова на матерей-воспитательницъ русскихъ
гражданъ обозвано было западническою критикою, въ порывѣ ея
страстнаго увлеченія своимъ противонаціональнымъ ученіемъ, „пу-
сканіемъ пращей въ образованную женщину“²⁾. Въ противополож-
ность этимъ „милымъ почитательницамъ чужеславныхъ думъ и
книгъ“ Языковъ въ стихотвореніи — „Въ Альбомѣ“ изображаетъ,
въ лицѣ своей сестры Екатерины Михайловны Хомяковой, идеаль-
русской матери, воспитывающей своихъ дѣтей въ національномъ
духѣ:

Она воспитываетъ здравую
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водитъ въ Божій храмъ³⁾

Въ посланіи С. П. Шевыреву, написанномъ, какъ мы знаемъ,
подъ впечатлѣніемъ читанныхъ имъ съ успѣхомъ въ Московскомъ
университетѣ въ 1844 г. публичныхъ лекцій по древнерусской
словесности, Языковъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ этому

¹⁾ Тамъ же, стр. 275.

²⁾ «Московское Обозрѣніе» 1859 г., кн II, отд. I, стр. 221.

³⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 276.

„жрецу науки“, и какъ ревностному поборнику въ ней русскихъ национальныхъ убѣжденій:

Тебѣ хвала и честь и слава!
Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь — и величана,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Нась къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна

Благословится подвигъ твой;
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, — и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своеародныхъ
Возстановилъ и укрѣпиль¹⁾.

Советуя своему другу спокойно относиться къ непріязненнымъ отзывамъ западниковъ по поводу его лекцій, Языковъ въ томъ же посланіи выражаетъ свое негодованіе противъ нихъ вслѣдствіе ихъ холодно-презрительнаго отношенія къ Россіи, къ вѣковымъ национальнымъ традиціямъ русскаго народа и къ отечественному языку:

Твои враги. они чужбинѣ
Огнями проданы съ пелень:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Ихъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Ихъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена²⁾.

По поводу посланія Шевыреву Гоголь въ своемъ письмѣ Языкову изъ Франкфурта отъ 5 апрѣля 1845 г. писалъ слѣду-

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 283.

²⁾ Тамъ же.

со всѣми подробностями изображено въ „Исторіи“ Карамзина, то и не могу обвинять Петербургскаго цензора за дозволеніе этого стихотворенія; что же касается до дозволенія напечатать оное въ Москвѣ, въ „Сборникъ“ („Московский Сборникъ“, изд. В. А. Пановымъ), то я предоставляю это совершенно на рѣшеніе Вашего Сіятельства¹⁾.

Несомнѣнную связь по содержанию съ разсмотрѣнными стихотвореніями Языкова, характеризующими его свѣтлыя національныя возрѣнія, представляетъ собою указываемое нами ранѣе его посланіе 1844 г. Александру Дмитріевичу Хрипкову, ландшафтному живописцу, товарищу поэта по Дерптскому университету, жившему теперь въ Москвѣ, въ одномъ домѣ съ нимъ²⁾. Такъ какъ самое приглашеніе Языковымъ Хрипкова къ изображенію картинъ „царицы русскихъ рѣкъ“ — Волги, вмѣсто кавказскихъ видовъ, вызвано было, конечно, искреннимъ патриотическимъ настроеніемъ поэта, еще болѣе подогрѣтымъ въ немъ въ это время полемикою съ западниками.

Къ посланіямъ, въ которыхъ Языковъ обращается непосредственно къ представителямъ западнческаго ученья, принадлежатъ: „Къ не нашимъ“, Чаадаеву, Грановскому, „Къ Молодому чело-вѣку“, „Къ старому плѣшаку“ и посланіе 1846 г. К. К. Павловой. Всѣ эти посланія, за исключеніемъ послѣдняго, Языковымъ при жизни не были напечатаны и не вошли ни въ одно изъ позднихъ собраній его стихотвореній, но обращались въ обществѣ въ рукописномъ видѣ. Въ указанномъ посланіи Павловой, прежде горячо сочувствовавшей литературному направленію Языкова и его друзей, а потому помѣщавшей свои стихотворенія въ „Москвитинѣ“ Погодина, а къ этому времени отклонившейся отъ этого кружка и измѣнившей свое литературное направленіе въ другую сторону, близкую къ западнеческой школѣ, Языковъ выражаетъ сожалѣніе по поводу ея „неблагодарнаго“ отношенія къ нему

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VIII, 210—311.

²⁾ „Стихотв. Языкова“, 1858 г., ч. I, стр. LXXXVIII.

вслѣдствіе его открытаго неудовольствія противъ крайностей западническаго ученія и уваженія къ „долефортовской Русѣ“, не желая въ то же время измѣнять къ ней прежнихъ дружескихъ отношеній:

И теперь, когда, увы!

Черезчуръ неблагоклонно

На меня глядите вы,

Потому что за родную

Возстаётъ мой русскій стихъ,

Потому что не хочу я

Нѣмчуръ, и не даюсь

Ей въ неволю, и люблю я

Долефортовскую Русь,

И теперь, когда опалой

Поразили вы меня,

Непріязню небывалой

Беззащитнаго огня,

И теперь я вашъ глубокой

Почитатель, и готовъ

Васъ по-прежнему высоко

Славить множествомъ стиховъ¹⁾.

Въ стихотвореніи — „Къ не нашимъ“ Языковъ называетъ

вообще западниковъ „завосчивыми, дерзкими“, а ихъ ученіе —

„богомерзкимъ“, такъ какъ они являются врагами священныхъ,

самыхъ дорогихъ для русскаго челоуѣка національныхъ началъ,

составляющихъ вѣковое наслѣдство отъ предковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

Языковъ выражаетъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что запад-

никамъ, то не смотря на успѣшную пропаганду своего ученія въ

средѣ шаткаго по своимъ убѣжденіямъ привилегированнаго рус-

скаго общества, все-таки не удастся всецѣло опутать своимъ уче-

ніемъ Россію и именно простой народъ, крѣпкій духомъ жизненной

національности. Вслѣдствіе того, что стихотвореніе „Къ не на-

¹⁾ «Стихотв. Языкова», 1858 г., II, 286—287.

шимъ“ въ свое время обращало на себя особое вниманіе друзей Языкова и его литературныхъ противниковъ, мы приведемъ его цѣликомъ:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,

Вы, опрометчивый оплотъ

Ученья школы богомерзкой,

Вы все—не Русскій вы народъ!

Не любю вамъ святое дѣло,

И слава нашей старины.

Въ васъ не живетъ, въ васъ помертво

Родное чувство. Вы полны

Не той высокой и прекрасной

Любовью къ родинѣ; не тотъ

Огонь чистѣйшій, пламень ясный

Васъ поднимаетъ. Въ васъ живетъ

Любовь не къ истинѣ и благу.

Народный гласъ—онъ Божій гласъ.

Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.

Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ.

Вамъ наши лучшія преданья

Смѣшно, бессмысленно звучать;

Могучихъ прадѣдовъ дѣянья

Вамъ ничего не говорить.

Ихъ презираетъ гордость ваша.

Святиня древяго Кремля,

Богатство, сила, крѣпость наша,

Ничто вамъ. Русская земля.

Отъ васъ не приметъ просвѣщенья,

Вы страны ей. Вы влюблены

Въ свои предательскія мнѣнья

И святотатственные сны;

Худой и лестию своею

Не вамъ ее преобразить

И не умѣете вы съ нею
 Ни жить, ни пѣть, ни говорить. ото и лавромѣй
 Умолкнетъ ваша злость пустая,
 Запретъ проклятый вашъ языкъ!
 Брѣвика, надежна Русь святая
 И Русскій Богъ еще великъ!¹⁾

Когда это стихотвореніе сдѣлалось извѣстно въ 1845 г. жившему за границею Гоголю, то онъ писалъ по поводу него Языкову: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасныя и чудныя стихи“ „Къ не нашимъ“. Душа твоя была органъ, а бряцали въ немъ другіе персты. Они еще лучше самого „землятресенія“ (Стихотвореніе Языкова, о которомъ рѣчь будетъ ниже) и сильнѣе всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси²⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Языкову отъ 12 февраля того же года Гоголь по поводу этого стихотворенія говоритъ: „Къ не нашимъ“ произвело такое же впечатлѣніе, какъ на меня самого, на моихъ знакомыхъ³⁾.

Высоко цѣня стихотвореніе Языкова „Къ не нашимъ“ за высокія художественныя достоинства и силу выраженнаго въ немъ здраваго патриотизма, Гоголь, слѣдившій издали за спорами славянофиловъ и западниковъ въ качествѣ третьяго лица, однако не раздѣлялъ рѣзкаго обличительнаго тона въ этомъ стихотвореніи по отношенію къ западникамъ. Поэтому въ письмѣ къ Языкову изъ Франкфурта отъ 5 апрѣля 1845 г. Гоголь пишетъ ему по поводу стихотворенія „Къ не нашимъ“ и другихъ полемическихъ стихотвореній противъ западниковъ слѣдующее назиданіе: „Другъ мой, не увлекайся ничѣмъ гнѣвнымъ..... Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично къ кому—нибудь изъ нашихъ братьевъ. Нужно, чтобы въ стихотвореніяхъ слышался сильный гнѣвъ противъ врага людей, а не противъ самихъ людей.....

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», VII, 467—468.

²⁾ «Сочин. и письма Гоголя», изд. Кулиша, VI, 166.

³⁾ Тамъ же, стр. 168.

ственныхъ Записокъ“, сдѣлалъ весьма рѣзкій разборъ вышедшихъ тогда въ печати стихотвореній Языкова и Хомякова. По замѣчанію А. Н. Пыпина, этотъ разборъ „вышелъ точно отвѣтомъ“ на полемическія стихотворенія Языкова¹⁾.

Въ своемъ суровомъ приговорѣ относительно поэзіи Языкова Вѣлинскій признаетъ ее пропитанною риторизмомъ, холодностью чувства, вычурностью и натянутостью рѣчи. Тѣмъ не менѣе даровитый критикъ, по внушенію тонкаго эстетическаго чутья, не могъ не указать и на достоинства поэзіи понаваго въ немилость поэта: Вѣлинскій вообще „не думаетъ отрицать таланта въ Языковѣ“²⁾, въ его „оригинальномъ стихѣ“ признаетъ „много блеска и звучности“³⁾ и приписываетъ ему важное значеніе въ исторіи русской поэзіи, признавая его выдающимся поэтомъ переходной поры въ русской литературѣ, стремившимся отрѣшить русскую поэзію отъ условныхъ, искусственныхъ рамокъ извѣтрившихся ложноклассической и романтической литературныхъ школъ. По этому поводу Вѣлинскій говоритъ: „Г. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ и его смѣлость была заслугою... Дотошъ всякая мысль, всякое чувство, всякое выраженіе, словомъ, всякое содержаніе и всякая форма казались противными и эстетическому вкусу, если они не оправдывались, какъ копія образцовъ, произведеніемъ какого-либо писателя, признаннаго образцовымъ. Отъ того писатели наши отличались удивительною робостію: всякое новое, оригинальное выраженіе, родившееся въ собственной ихъ головѣ, приводило ихъ въ ужасъ; литература, въ свою очередь, отличалась скучнымъ однообразіемъ... Такимъ образомъ, первыя сочиненія Пушкина ужасали нашихъ классиковъ своеволіемъ мысли и выраженія. И потому, смѣлая по ихъ оригинальности стихотворенія Языкова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезное влія-

¹⁾ «Жизнь и труды М. П. Погодина», стр. 471—472.

²⁾ «Сочин. Вѣлинскаго», изд. 1875 г., IX, 270.

³⁾ Тамъ же, стр. 267.